

Открыв дверь, он сразу же ощутил густой пар, обволакивающий лицо. В воздухе витал легкий аромат лекарственных трав, но он был приятным. Тан Чжаонин уже естественным движением снял халат и шагнул в огромный бассейн размером четыре на четыре метра. Брызги воды поднялись в воздух, обрызгав голени Бай Линшэна.

Тан Чжаонин, обернувшись и увидев, что тот стоит на месте, не решаясь подойти, усмехнулся:

— Подойди, я же тебя не съем.

Бай Линшэн приподнял бровь:

— Поверить тебе — значит быть дураком.

Тан Чжаонин, опершись на край бассейна, указал на соседний небольшой бассейн без лекарственных трав:

— Он для тебя. Рядом еще еда, видишь? Твой любимый шоколадный пудинг и чайные сладости.

Бай Линшэн бросил взгляд и увидел на краю бассейна маленькие тарелки с упругим пудингом и несколькими чайными сладостями. Его глаза загорелись.

— Теперь можешь подойти? — Тан Чжаонин с трудом сдерживал смех.

Ради еды Бай Линшэн без колебаний подошел, поставил корзинку на пол, встал на колени у края бассейна и взял полотенце, чтобы потереть спину Тан Чжаонину. Достоинство гурмана оказалось на удивление гибким.

Пока он тер спину, ему вдруг вспомнилась песня: «Любовь должна быть все сильнее с каждым ударом~~~~ Любовь должна быть непоколебимой~~~~». Как она называлась?

Он похлопал Тан Чжаонина по плечу и спросил:

— Ты умеешь петь?

Тан Чжаонин обернулся, не понимая, куда на этот раз занесло мысли Бай Линшэна.

— Спой что-нибудь для меня, — с хитрой улыбкой сказал Бай Линшэн.

— Не умею.

Бай Линшэн надул губы. Он тоже не умел, у него не было слуха, и он мог напеть разве что детские песенки или народные мелодии, которые слышал с детства.

Двое, не умеющих петь, продолжили молча тереть спину и наслаждаться ванной. Бай Линшэн пытался отвлечься, но ничего не получалось.

Каждое движение Тан Чжаонина казалось исполненным бесконечного очарования. Когда он наклонял голову, обнажая шею, чтобы Бай Линшэн мог ее потереть, или поднимал руку, чтобы отодвинуть плавающие травы на поверхности воды, или слегка поворачивался, обнажая ключицу, Бай Линшэн чувствовал, что его терпение подвергается серьезному испытанию.

Он смотрел, как капли воды стекают по позвоночнику Тан Чжаонина. Что скрывается под водой? Только капли знают.

Почему капли могут, а я нет?

В Бай Линшэне пробудилось вожделение, и его рука словно сама собой прилипла к прекрасной спине Тан Чжаонина. Он погладил, надавил, ощущения были восхитительными. Когда Тан Чжаонин обернулся, его слишком бледное лицо покраснело от пара, а изысканные черты лица в тумане казались еще более загадочными. Его черные, как черный янтарь, глаза пристально смотрели на Бай Линшэна.

«Красавец! Маленький Супермен-Молния в душе Бай Линшэна закричал — так хочется прикоснуться!»

Так что Бай Линшэн не боялся, что Тан Чжаонин что-то сделает с ним, а боялся, что он сам что-то сделает с Тан Чжаонином, честное слово. В то утро он был слишком сонным и поэтому вел себя особенно страстно, это было искреннее проявление чувств!

Вот почему Пэй Янь никогда не брал Ци Чжана в тренажерный зал, боясь, что его кто-нибудь уведет, или на следующий день в новостях появится заголовок — известный актер с фамилией Ци попытался совершить неподобающие действия по отношению к мужчине...

Известный актер с фамилией Ци был только один.

Но Ци Чжан не придавал этому значения, считая, что и молодые парни, и зрелые мужчины — это общие ресурсы мира! Стремление к красоте — это человеческая природа!

Он был главным нападающим!

Он был уверен, что однажды Тан Чжаонин окажется у его ног.

Но не сейчас, настоящий мужчина всегда бережно относится к красоте. Поэтому он поднял бровь:

— На что смотришь? Хочешь соблазнить меня? Не получится.

Тан Чжаонин, видя его притворство, не стал разоблачать, но и не мог больше позволять Бай Линшэну крутиться рядом с ним, иначе скоро случится беда. Он все еще болел, и если бы дело дошло до крайности, это стало бы настоящей трагедией года.

Бай Линшэн с сожалением попрощался с прекрасным телом и отправился в другой бассейн. Ел и украдкой поглядывал на Тан Чжаонина, чувствуя себя слегка опьяненным, как будто выпил вина.

Тан Чжаонин лежал на краю бассейна, его изящные очертания напоминали русалку, выброшенную на берег.

Интересно, как он плавает... Плавки — это настоящая беда... — думал Бай Линшэн. Слишком возбудился и случайно прикусил язык.

.....

Возвращение мамы Тана оказалось совершенно неожиданным. Когда стук каблуков нарушил тишину, Бай Линшэн, спавший в объятиях Тан Чжаонина, проснулся и, потирая глаза, посмотрел в сторону, откуда доносились шаги.

Они находились в теплой беседке, соединенной с домом деревянной дорожкой, под которой

был небольшой пруд с лотосами. Тан Чжаонин хотел погреться на солнце, и Бай Линшэн сопровождал его, чтобы скоротать время.

Шаги не приблизились слишком близко. Хозяйка шагов, увидев в беседке две переплетенные фигуры, остановилась, и на ее лице появилась улыбка, полная смирения и доброты. Увидев, что Бай Линшэн выглянул из-под одеяла, она помахала ему рукой, ведя себя с достоинством и грацией. Ее красное платье подчеркивало ее обаяние.

Такая харизма, просто мощь.

Бай Линшэн чуть не свалился с лежака. Ощущение, что его поймали с сыном на глазах у матери, было слишком острым.

«Мама Тан холодно улыбнулась: "Эй, люди, возьмите этого соблазнительного демона и казните его!"»

«Демон, лежащий на лежаке, в панике умолял: "Матушка, пощадите! Больше не буду!"»

Тан Чжаонин лениво перевернулся и прижал Бай Линшэна к одеялу:

— О чем ты опять думаешь?

Бай Линшэн широко раскрыл глаза и снова выглянул из-под одеяла:

— Я же ничего не сказал! Как ты узнал, что я думаю?

— Молодой человек, потому что ты весь в своих представлениях.

Тан Чжаонин похлопал его по голове, чтобы успокоить, одной рукой оперся на подушку и слегка приподнялся, повернувшись к вошедшей:

— Мама, ты насмотрелась?

Мама Тан бросила на него взгляд:

— Я просто посмотрела, я же его не уведу.

— Он стесняется.

«Вранье». Бай Линшэн под одеялом пнул его ногой. «Не ври с открытыми глазами».

Тан Чжаонин посмотрел на него:

— Тогда слезай.

Бай Линшэн:

— Пошел ты. Если бы я был одет, ты думаешь, я бы лежал здесь, как соблазнитель?

Мама Тан смотрела на их перепалку с улыбкой:

— Не забудьте, что на улице прохладно, посидите немного и заходите.

Мама Тан ушла, ее изящная фигура напоминала сестру Тан Чжаонина.

Бай Линшэн чувствовал, что первое впечатление о нем у нее было не самым лучшим, но он ведь заботился о Тан Чжаонине. Кто знал, что тому нужно было только обнимать кого-то во сне.

— В будущем держись от моей мамы подальше.

— А? — Бай Линшэн не понял.

Тан Чжаонин встал с лежака, накинул халат:

— Самый молодой из ее бывших парней выглядел моложе тебя. С твоим уровнем ты ей не соперник.

— Она же не станет соперничать с сыном? — Бай Линшэн все еще лежал на лежаке, внутренне удивляясь.

Тан Чжаонин улыбнулся, наклонился и поднял подбородок Бай Линшэна длинными пальцами:

— Но с твоей тонкой кожей, если она начнет тебя дразнить, ты ведь придешь ко мне плакать?

Бай Линшэн сбросил его руку, сел, скрестил руки, излучая холодную уверенность:

— Не принимай меня за невинного мальчика.

Тан Чжаонин пожал плечами, отодвинул штору, выходящую на озеро. Прохладный ветерок слегка освежил его. Он достал сигарету, закурил и сделал затяжку, выпуская дым, который уносился ветром.

Когда взрослый мужчина курит, это всегда выглядит с оттенком упаднической красоты. И его цвет лица еще не полностью восстановился, легкий дым подчеркивал его болезненную бледность.

Но это ощущение длилось недолго, рука сзади выхватила сигарету.

— Конфисковано. — Бай Линшэн достал из кармана шоколадный батончик, вложил его между пальцами Тан Чжаонина и с сочувствием сказал:

— Хороший мальчик, съешь это, а потом выпей лекарство.

Тан Чжаонин: «...»

Войдя в дом, они увидели, что мама Тан и Е Шэн уже сидят и пьют чай. Хотя они были совершенно разными по характеру, но разговаривали очень душевно, находя общие темы для разговора. Рядом с каждой из них были свои поклонники: рядом с Е Шэн сидел Бай Сяоли, а за мамой Тан стоял Тан Цин.

В этот момент Тан Цин был совершенно другим человеком, послушным, как перепелка. Видимо, Тан Чжаонин был не его главным испытателем, настоящим укротителем была мама Тан.